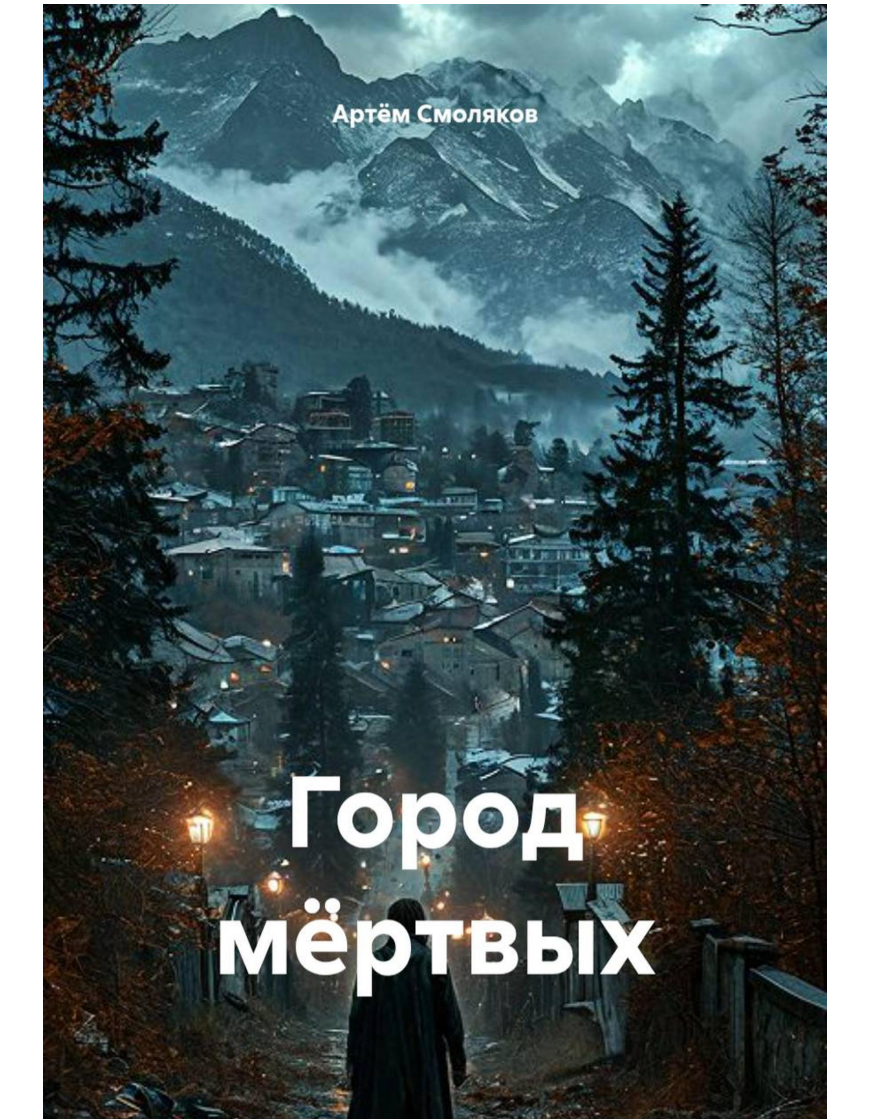

Артём Смоляков

Город мёртвых

Артём Смоляков

Город мёртвых

<https://litres.ru/74188417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятигорск захлёстывает тьма, пробуждающая мёртвых. Кирилл пытается выжить и остановить проклятие, но чем глубже он погружается в кошмар, тем страшнее правда: он сам создал этот мир, чтобы сбежать от реальности.

Артём Смоляков

Город мёртвых

ГоРоД МёРтВыХ

Пролог

Ступень была липкой. Не от воды — Пятигорск в этом июле задыхался от сухого зноя, трава на Машуке выгорела в пепел. Липкой от чего-то тягучего, тёмного, что не впитывалось в растрескавшийся асфальт, а собиралось в лужицы у поребрика.

Кирилл отдёрнул ногу, но подошва кроссовка противно чавкнула, оставляя на сером камне влажный след. Запах ударил в нос, когда он наклонился, — не гниль, нет. Сладкий, приторный, с металлическим привкусом, от которого сводило скулы. Он знал этот запах. Так пахнет кровь, если дать ей постоять на солнце целый день.

— Идём, — прошептала Лена, и её пальцы впились ему в запястье. Ногти — холодные, слишком

холодные для тридцатиградусной жары — царапнули кожу. — Не смотри вниз.

Но он уже смотрел. Вдоль всей улицы Кирова, от старой аптеки до поворота на проспект, тротуар был заляпан тёмными разводами. Они тянулись неровными дорожками, пересекались, сворачивали в подворотни. Словно целая толпа тащила за собой что-то тяжёлое, волоком.

И ни одной машины. Ни одного человека у ларьков с шаурмой, где всегда толпилась очередь. Ни даже привычной стайки голубей у фонтана, где вода давно не била, а в чаше плавала коричневая корка.

— Лен, где все? — голос сел, будто горло сдавила та же липкая дрянь, что покрывала мостовую.

— Они здесь, — она кивнула на окна пятиэтажек. Окна были закрыты. Наглухо. Ставни, которых тут отродясь не водилось, сейчас были забиты досками крест-накрест. Из-за одной такой щели за ним кто-то смотрел. Он чувствовал этот взгляд — тяжелый, мокрый, как прикосновение мёртвой рыбы. Мурашки поползли не по спине, а под кожу, заставляя каждый волосок на руках встать дыбом.

— Ты слышишь? — спросила она, приблизившись вплотную. Её дыхание пахло мятой, но слишком резко, неестественно, словно она жевала леденец из больничной аптечки.

Он прислушался. Тишина. Но нет — внутри неё пульсировал звук. Тупой, ритмичный. БУМ. БУМ. Он шёл из-под земли, сотрясая подошвы через подошву кроссовок. БУМ. Словно где-то под Пятигорском, в старых катакомбах, билось сердце размером с город.

— Что это? — прошептал он, чувствуя, как вибрация поднимается по ногам, добирается до позвоночника, заставляет зубы стучать в такт.

Лена улыбнулась. Её губы были сухими, потрескавшимися, и в уголках запеклась та же самая тёмная корка.

— Это они просыпаются, Кирилл. Город мёртвых. Он всегда был под нами, просто мы ходили по верху. А теперь... — она дёрнула его за руку, и он, споткнувшись, шагнул прямо в лужу. Жидкость была теплой. Пальцы ног в кроссовках мгновенно намокли, и он почувствовал, как что-то скользкое, с

острыми краями, трётся о его ступню сквозь тонкий носок.

— Теперь, — голос Лены стал ниже, глубже, в нём появился хрип, — они решили подняться к нам.

Он хотел вырваться, но её хватка стала стальной. Из подворотни, туда, где дом №17 когда-то был жилым, а теперь зиял чёрным провалом выбитых стёкол, донёсся звук. Мокрый шлепок. Затем второй. И третий.

Кто-то шёл, тяжело переставляя ноги, волоча их по асфальту. И этот кто-то дышал. Дышал так, как дышит заброшенный подвал — сыростью, плесенью и разложением.

Кирилл открыл рот, чтобы закричать, но Лена резко прижала ладонь к его губам. Ладонь была ледяной, и пахла не мятой. Она пахла землёй. Сырой, кладбищенской землёй, в которой он сам копал могилу для своей бабушки прошлой осенью.

— Тихо, — выдохнула она прямо ему в ухо, и от этого дыхания волосы на затылке шевельнулись сами собой, как живые. — Надо, чтобы они приняли

тебя за своего.

Она убрала руку, и он увидел, что из тени подворотни выползает рука. Бледная, в грязи, с длинными, слишком длинными ногтями, в которых застряли кусочки чего-то тёмного. Рука ухватилась за угол стены, и Кирилл понял, что сейчас увидит то, что принадлежало этой руке.

Но Лена схватила его за подбородок и резко повернула его голову к себе.

— Смотри на меня, — приказала она, и в её глазах, обычно карих, он увидел только бельмо. Молочную, мутную плёнку, которая затягивала зрачок. — Скажи, что ты любишь меня. Скажи это, пока они не подошли. Это единственное, что их останавливает. Пока мы говорим о живом, они нас не видят.

Он смотрел в её белые, мёртвые глаза, слышал, как шлёпающие шаги приближаются со спины, чувствовал, как холодок от её пальцев поднимается по его щеке, разливаясь по телу липким страхом. Из-за его плеча уже тянуло сыростью, и чей-то скрипучий, как несмазанная дверь, голос прошептал ему на ухо:

— Какой же ты тёпленький... Пусти погреться.

Кирилл сглотнул. Слюна была горькой, словно он жевал полынь. И он открыл рот, чтобы сказать Лене те слова, которые, возможно, были его последней молитвой...

Глава 1

Слова застряли в горле, превратившись в липкий, солёный ком. Кирилл смотрел в молочно-белые глаза Лены и чувствовал, как сзади, в паре сантиметров от его позвоночника, воздух становится плотным, влажным, почти осязаемым. Он ощущал это кожей спины — как чужое дыхание, но без тепла. Холодное, тягучее, оно стекало по его шее, заставляя мышцы сводить судорогой. Там, за плечом, кто-то стоял. И этот кто-то ждал.

— Говори же, — губы Лены шевельнулись, но голос пришёл не от неё. Он прозвучал у него в голове, резкий, как удар молотка по черепу изнутри. — Скажи, что живой. Скажи, что чувствуешь.

Кирилл открыл рот. Язык примёрз к нёбу, стал

шершавым, как наждак. Он хотел сказать: «Я люблю тебя» — но вместо этого из горла вырвался только сип, похожий на свист проколотой шины.

И тут его коснулись.

Пальцы — длинные, неестественно тонкие, с ногтями, отслаивающимися тёмными пластинами — легли ему на плечо. Легко, почти невесомо. Но тяжесть этого прикосновения была чудовищной. Казалось, на плечо опустилась бетонная плита. Кирилл пошатнулся, колени подогнулись, и он услышал, как хрустнули позвонки в шее от натуги.

— Тёплый, — голос сзади, скрипучий и мокрый, раздался уже возле самого уха. Каждое слово выдыхало на его кожу мельчайшие капли. Капли пахли железом и гнилым мясом. — Какой тёплый. Дай постоять рядом.

Холод начал проникать сквозь футболку. Сначала просто озноб, который Кирилл списал бы на страх. Но страх не заставляет кости ныть тупой, сверлящей болью. Страх не высасывает тепло из мышц так, что они начинают дрожать мелкой, неконтролируемой дрожью. Страх не заставляет кожу на плече

пузыриться и покрываться гусиной кожей, которая не проходит, а превращается в ледяную корку.

— Он не скажет, — Лена усмехнулась, и её губы, потрескавшиеся до крови, растянулись в улыбку, которая не касалась её мёртвых глаз. — Он ещё не понял. Покажи ему, Игорь.

Имя упало в тишину, как камень в колодезь.

Игорь. Так звали его соседа с третьего этажа. Того, кто каждое утро выгуливал таксу и здоровался, приподнимая кепку. Игорь, который две недели назад уехал в Москву к дочери.

Пальцы на плече сжались. Ногти — теперь Кирилл чувствовал это отчётливо, с болезненной ясностью — вошли сквозь ткань. Не впились, а именно вошли, как раскалённый нож в масло. В плече вспыхнула острая, режущая боль, и он закричал.

Крик вырвался наружу, но звук был не его. Он был глухим, словно раздавался под толщей воды. И в тот же миг из подворотни, из чёрного провала дома №17, хлынул звук. Тысячи голосов зашептали одновременно. Шёпот накатывал волнами, в нём

нельзя было разобрать слов, только интонации — мольбу, гнев, отчаяние. И этот шёпот бил по барабанным перепонкам, заставляя их вибрировать с болезненной частотой.

Кирилл дёрнулся, пытаясь вырваться, но Лена держала его за запястье — и её пальцы, сомкнувшиеся вокруг его руки, были как стальные обручи. Он попытался ударить её свободной рукой, но кулак наткнулся на её плечо и... провалился. Его пальцы ушли в её тело на пару сантиметров, как в вязкую, холодную грязь. Он почувствовал, как что-то скользкое, живое, зашевелилось под её кожей, обтекая его костяшки.

— Не надо, — сказала она спокойно, и в её голосе не было боли. Только усталость. — Так ты только сильнее привлекаешь их внимание.

Она отпустила его запястье и сделала шаг назад. Пальцы выскользнули из её плеча с противным чавкающим звуком, и Кирилл уставился на свою руку. Кожа на пальцах была серой, сморщенной, будто он держал их в воде несколько часов. А под ногтями чернела слизь.

Игорь за его спиной засмеялся. Смех был мокрый, булькающий, прерывался кашлем, и от этого кашля Кирилл стошнило. Желчь обожгла горло, но он сдержался, втянул рвоту обратно, чувствуя, как кислота разъедает нёбо.

— Смотри, — Лена подняла руку и указала на небо.

Он поднял голову. Над Пятигорском, над Машуком, над рваными силуэтами многоэтажек нависало нечто. Оно не было тучей — оно было плотью. Серой, пульсирующей, с прожилками, похожими на вены. Эта штука дышала. Каждый её вздох опускал давление, закладывая уши, и воздух становился густым, как кисель. Вдыхать его было всё равно что глотать холодный жир. Кирилл закашлялся, и из лёгких вылетело облачко пара. Пара, хотя вокруг стоял тридцатиградусный зной.

Он опустил взгляд на улицу. Тротуар теперь не просто был липким. Он двигался. Тёмная жижа медленно пузырилась, из неё торчали пальцы — человеческие пальцы, с ногтями, покрытыми лаком, с кольцами, с грязью под ногтями. Они шевелились, скребли по асфальту, оставляя белые царапины.

— Они не могут вылезти полностью, пока солнце не сядет, — Лена говорила ровно, как учительница на уроке. — Но они почти выбрались. Час, может, два. Потом они пойдут вверх. Им нужно тепло.

Она снова подошла к нему. Так близко, что он видел тонкую паутину сосудов на её белёсых глазах. И запах — тот самый, мятный и кладбищенский — ударил в нос с новой силой.

— Ты хочешь выжить? — она коснулась его щеки. Её пальцы были шершавыми, в них застряли крупинки земли. — Есть один способ. Ты должен стать как они. Но для этого... для этого ты должен умереть.

Она замолчала. Тишина повисла на секунду, и в этой тишине Кирилл слышал собственное сердце. Оно билось слишком громко, слишком отчётливо. БУМ. БУМ. И вдруг он понял, что этот звук идёт не только из его груди. Он шёл из-под земли. С каждым его ударом под асфальтом вздыхала тьма.

Игорь за его спиной шагнул ближе. Кирилл почувствовал его руку на втором плече. Теперь обе его руки были в ледяном плену. Ногти впились глубже, и из ран, с тихим шипением, начала сочиться

тёмная, почти чёрная кровь.

Она не пахла железом. Она пахла сладкими духами. Теми самыми, которыми пользовалась его мать.

— Ты помнишь меня, Кирюша? — голос Игоря стал выше, тоньше. Превратился в материнский. — Помнишь, как я пела тебе колыбельную?

Кирилл закрыл глаза. В темноте за веками он видел, как под его кожей, прямо под мышцами, начинают прорасти тонкие, тёмные нити. Они тянулись от плеч к сердцу, обвивали рёбра, сдавливали лёгкие. И он знал — ещё минута, и он перестанет дышать. Он станет одним из них. Он станет частью города мёртвых, который просыпается под Пятигорском.

Но в тот момент, когда нити почти коснулись его сердца, он вспомнил.

Бабушка. Сентябрь. Кладбище у подножия Машука. Когда он закапывал гроб, лопата звякнула о камень. Он отбросил землю и нашёл её. Иконку. Маленькую, медную, с ликом святого, который держал в руках меч.

Он сунул её в карман джинсов тогда, просто чтобы не потерять. И она всё ещё там.

Он дёрнулся, пытаясь освободить руку, чтобы дотянуться до кармана. Пальцы Игоря сжались сильнее, ногти вошли в кость — он услышал хруст. Боль была настолько острой, что перед глазами поплыли красные круги. Но он всё равно тянулся. Пальцы нащупали край ткани. Ещё чуть-чуть. Ещё сантиметр.

— Кирюша, не уходи от меня, — голос матери плакал в его ухе. — Останься со мной. Здесь так холодно. Здесь так одиноко.

Он не слушал. Он сжал пальцами иконку через ткань джинсов. И в тот же миг металл обжёг его руку. Не холодом — жаром. Сухим, живительным жаром, от которого нити под кожей дёрнулись, зашипели и начали сворачиваться.

Лена закричала. Её крик был похож на вой сирены — пронзительный, режущий уши. Игорь отпустил его плечи и отшатнулся, и Кирилл услышал, как за спиной тело весом под центнер рухнуло на асфальт, под-
няв фонтан липкой жижи.

Кирилл открыл глаза. Лена стояла перед ним, но она уже не была похожа на человека. Её лицо плавилось, стекало с черепа серыми каплями. Из разорванной плоти на щеках выглядывали зубы — не её, чьи-то чужие, кривые, сгнившие у корней.

— Ты... — прошипела она, и её голос раздвоился, зазвучал хором из десятков глоток. — Ты не уйдёшь.
Ты пойдёшь с нами.

Она шагнула к нему, но он уже бежал. Ноги не слушались — колени тряслись, подошвы скользили по чёрной жиже, которая хватала его за щиколотки холодными, скользкими пальцами. Он бежал в сторону проспекта, туда, где ещё горел свет в единственном окне на пятом этаже.

В ушах стучало сердце. Под ногами чавкала тьма. И позади, с каждым его шагом, нарастал шум — тысячи ног, тысячи голосов, тысячи мёртвых, которые поднимались из-под земли.

Пятигорск просыпался.

И Кирилл знал: у него есть ровно столько времени, сколь-

ко нужно иконке, чтобы остыть в его кармане. А она уже начала холодать.

Он бежал, не разбирая дороги. Ноги сами несли его по липкому, чавкающему асфальту, и каждый шаг отдавался в позвоночнике тупой, ноющей болью — там, где только что прорастали чёрные нити. Они не исчезли полностью. Кирилл чувствовал их под кожей: тонкие, холодные, они свернулись в клубки у самых лопаток и затаились. Ждали.

Воздух рвал лёгкие. Он был густым, как кисель, оседал на языке металлическим налётом, и с каждым вдохом казалось, что в груди шевелится что-то живое, не его. Грудная клетка ходила ходуном, и Кирилл слышал, как рёбра трутся друг о друга с сухим скрипом — или это ему только казалось?

Свет в окне на пятом этаже мигнул. Погас на секунду, снова загорелся. Красным. Кирилл споткнулся о край бордюра и полетел вперёд, больно ударившись коленями о растрескавшийся асфальт. Ладони коснулись чёрной жижи. Она была тёплой. И она дышала. Под его пальцами пульсировала вязкая поверхность, и он почувствовал, как что-то снизу, из глубины, тянется к нему, касается его кожи сквозь

слой грязи — мягко, почти нежно.

Он отдёргнул руки и с ужасом увидел, что на ладонях остались отпечатки. Чьи-то ладони, меньшего размера, детские, впечатались в его кожу багровыми пятнами. Они горели, эти пятна, будто ожоги, и под ними кожа начинала шелушиться, отслаиваться тонкими прозрачными лентами.

— Вставай, — голос Лены раздался откуда-то слева, из арки сгоревшего кафе. Но это уже был не её голос. Он звучал в унисон с тысячью других — высоких, низких, детских, старческих, — сливаясь в один сплошной гул, от которого вибрировали зубы. — Ты думаешь, иконка тебя спасёт? Ей нужна вера. А у тебя её нет. Ты просто сжимаешь кусок металла, как ребёнок — плюшевого мишку.

Кирилл вскочил. В кармане иконка действительно остывала. Она больше не жгла пальцы, только слегка покалывала, как слабый электрический разряд, который вот-вот иссякнет. Он засунул руку глубже, сжал её в кулаке до хруста, и почувствовал, как медная кромка впивается в мякоть ладони, пуская тонкую струйку крови. Боль отрезвила, разогнала туман перед глазами.

Он побежал дальше.

Улица Кирова осталась позади. Он выскочил на проспект, миновал заколоченный досками "Сбербанк", перепрыгнул через перевёрнутую урну, из которой вместо мусора торчала чья-то нога — босая, синяя, с обломанными ногтями. Она дёргалась в агонии, пальцы скребли по жести, и Кирилл отвернулся, зажимая ладонями уши, чтобы не слышать этот скрежет, проникающий прямо в мозг.

Окно горело в доме на пересечении с бульваром Гагарина. Пятый этаж. Единственное живое место во всём этом мёртвом городе.

Кирилл влетел в подъезд. Дверь была распахнута настежь, петли вырваны из косяка с мясом — куски штукатурки валялись на полу, перемешанные с чёрной грязью. Внутри пахло затхлостью и сыростью, хотя на улице стояла невыносимая жара. Он схватился за перила, и его ладонь утонула в чём-то мягком, слизистом, покрывавшем металл слоем в палец толщиной.

Он отдёрнул руку, но было поздно. Слизь уже

облепила его пальцы, она тянулась за ними, как расплавленный воск, и на коже остались чёткие отпечатки — чьи-то пальцы, сжимающие перила, вдавленные в его плоть бледными провалами.

— Не смотри, — прошептал он сам себе, шёпотом заглушая шум поднимающихся из-под земли голосов. — Не смотри, беги.

Лестница была покрыта той же липкой плёнкой. Каждая ступенька чавкала, высасывая подошвы кроссовок, и Кириллу казалось, что он бежит по глотке гигантского существа, которое вот-вот сожмёт челюсти и проглотит его целиком. На втором этаже из приоткрытой двери сочился свет. Не электрический — серый, тусклый, как свеча на ветру. Он струился на площадку, и в этом свете танцевали тени. Они не были похожи на человеческие. Они извивались, срастались друг с другом, распадалась на куски, и от них пахло жжёной тканью и чем-то кислым, сладковатым.

Кирилл задержал дыхание и проскочил мимо. На третьем этаже его встретил ветер. Откуда-то из глубины коридора, из запертых квартир, где давно никто не жил, дуло ледяным сквозняком. Он бил в

лицо, леденил слёзы на глазах, заставляя их превращаться в тонкие ледяные корки на ресницах. Кирилл моргнул — и услышал, как хрустнул лёд, ломаясь на мелкие осколки.

Четвёртый этаж. Он почти у цели. И тут свет в окне на пятом погас.

Кирилл остановился, чувствуя, как всё его тело обливается холодным потом. Он смотрел вверх, на лестничный пролёт, где повисла густая, абсолютная тьма, в которой не было ни проблеска, ни отблеска. И вдруг из этой тьмы на него упала тень. Длинная, худая, с руками, свисающими почти до пола.

Тень шевельнулась. И вслед за ней раздался звук — шарканье, тяжёлое, монотонное, как капли, падающие с крыши. Шарк. Шарк. Кто-то спускался сверху.

Кирилл попятился. Его спина упёрлась в стену, и штукатурка под его лопатками треснула, осыпавшись на плечи белой пылью. Он сжал иконку в кармане — она стала совсем ледяной, как камешек со дна горного ручья.

И в этот момент он услышал голос. Не Лены, не Игоря, не того, кто спускался сверху. Тихий, надтреснутый, он доносился из квартиры на пятом этаже — из той самой, где только что горел свет.

— Заходи, — голос был старческим, женским. Он звучал тепло, почти по-родственному, и в нём слышалась такая глубокая, всепоглощающая усталость, что Кирилл на секунду забыл о страхе. — Я ждала тебя, Кирюша. Заходи, пока он не спустился.

Кто-то на лестнице замер. Шарканье прекратилось, но вместо него Кирилл услышал дыхание. Громкое, свистящее, с влажным присвистом, будто лёгкие того, кто стоял в трёх метрах от него, были наполнены водой.

Дверь на пятом этаже чуть приоткрылась. В щель пробился слабый, дрожащий свет — такой же красный, как из окна минуту назад.

— Только ты, — прошептал голос изнутри. — И ты успеешь. У тебя есть иконка. Она даст тебе несколько минут. Но не задерживайся. У нас мало времени. Скоро он проснётся окончательно.

С лестницы сверху донёлся звук, от которого у Кирилла остановилось сердце. Тот, кто спускался, сделал шаг. Шарк. И в этом звуке он услышал узнаваемое — звон металла о камень. И скрежет. Словно тело, которое двигалось в темноте, волокло за собой что-то тяжёлое, цепное, окровавленное.

И тогда Кирилл понял, кто идёт за ним. Тот, кого он закопал осенью на кладбище у подножия Машука. Тот, кому он прошептал прощание, когда лопата ударила о камень.

Бабушка.

Её голос звучал со всех сторон, и в нём не было ни капли той теплоты, что он помнил. Только голод. И любовь, перекошенная смертью.

— Внучек, — прошептала она из темноты, — что же ты не надел на меня иконку? Что же ты оставил меня одну? Я так замёрзла там, Кирюша. Иди ко мне. Иди. Согрей меня.

Он замер, парализованный этим голосом, чувствуя, как ноги наливаются свинцом, а чёрные нити под

лопатками снова распрямляются, тянутся к позвоночнику. И он понял — если он обернётся, если он увидит то, что стало с его бабушкой, он никогда не сможет бежать. Никогда.

— Беги! — крикнул голос с пятого этажа. И в этом крике послышался металлический звон, похожий на удар колокола. — Она не твоя бабушка. Она — лишь то, во что она превратилась. Беги, пока не стало слишком поздно.

Кирилл рванул вверх, перепрыгивая через три ступеньки, чувствуя, как слизь на перилах тянется за ним, пытаясь схватить за рукав, за волосы. За спиной взвыли голоса — тысячи, десятки тысяч голосов, сливающихся в один, похожий на рёв урагана. И в этом реве он отчётливо различил тот самый звук, который шёл из-под земли.

БУМ. БУМ. БУМ.

Сердце города мёртвых билось всё быстрее. Оно просыпалось, готовое вырваться наружу.

Он влетел на площадку пятого этажа и, не раздумывая, толкнул дверь, которая уже была

приоткрыта. Внутри было темно. И пахло ладаном. Тем самым ладаном, который жгли на отпевании.

Дверь захлопнулась за его спиной сама собой. И в тот же миг он услышал, как снаружи, прямо за дверью, остановилась та, что звала его по имени. Он слышал её дыхание, влажное, свистящее, и чувствовал, как холод просачивается сквозь щели в косяке.

Он прижался спиной к стене, сжимая в руке иконку, чувствуя, как она нагревается снова. Смотрел в темноту квартиры, пытаясь разглядеть ту, которая спасла ему жизнь.

Голос раздался прямо над ухом, отчётливый, тёплый, без единой примеси чужого:

— Ты сделал правильный выбор, Кирюша. Но это только начало. Мы в ловушке. Она не уйдёт. И когда она поймёт, что ты не выйдешь, она позовёт его. Того, кто спит под Машуком. Настоящего хозяина этого города.

Кирилл повернул голову и в тусклом красном свете, пробивающемся из-за штор, увидел старуху в

чёрном платке. Её лицо было измождённым, испещрённым глубокими морщинами, а глаза — тёмными, живыми, совсем не похожими на бельма Лены.

Но когда она протянула к нему руку, он увидел её кисть. И понял, что она тоже мертва.

Её пальцы были синими, с длинными, чёрными ногтями. И под кожей, тонкой, как папиросная бумага, копошились те же нити, что прорастали в нём самом.

— Не бойся, — прошептала она, перехватив его взгляд. — Я здесь, чтобы помочь. Но помочь мы сможем, только если успеем. До заката осталось меньше часа.

Она шагнула ближе, и он услышал слабый, едва различимый звон. Под её чёрным платьем, у самого горла, висела такая же иконка. Медная, с выщербленным краем.

— Иди за мной, — сказала она, разворачиваясь. — Здесь, в этой квартире, есть подвал. Старый, ещё с тех времён, когда город строили. Он ведёт под гору.

Там мы можем спрятаться.

Она замолчала, глядя на него из темноты. И добавила шёпотом, от которого у него волосы зашевелились на затылке:

— Но будь осторожен. Там, внизу, он чувствует себя как дома. Ведь именно там он и был похоронен. И именно там спит сердце Города мёртвых. И если оно проснётся... — она медленно перевела взгляд на его карман, туда, где лежала иконка. — ...то иконка уже не спасёт.

Кирилл судорожно сглотнул. Он знал, что должен спросить, но слова не шли с языка. И тогда она ответила сама, чуть наклонив голову:

— Ты чувствуешь нити под кожей, да? Они растут. Они будут расти, пока ты здесь, наверху.

Единственный способ выжить их — спуститься туда, где он спит, и найти то, что его связывает. Его имя.

Его настоящее имя.

Она протянула ему руку. Синие пальцы дрожали.

— Пойдём. Или оставайся здесь. Но тогда через

час ты сам станешь одним из них. Будешь бродить по этим улицам, звать прохожих, искать тепло.

Кирилл посмотрел в её глаза, потом на дверь, за которой уже не было слышно дыхания бабушки. Только тишина. Гулкая, давящая, в которой каждый звук его собственного тела — биение сердца, лёгкое движение крови, вдох — казался оглушительным.

Он сделал шаг к ней.

И в тот самый миг пол под его ногами дрогнул.

Глубоко внизу, под тысячами тонн земли и бетона, что-то шевельнулось. И это шевеление отозвалось болью в его груди, в том месте, где чёрные нити сплелись в узел у самого сердца.

Квартира наполнилась звуком. Тупым, ритмичным, гипнотическим.

БУМ. БУМ. БУМ.

Это было сердце. Сердце Города мёртвых. Оно билось где-то там, под Машуком. И оно звало его. По имени. Шёпотом, который пока ещё нельзя было разобрать.

Но Кирилл знал: он услышит его отчётливо, как только ступит на лестницу, ведущую вниз.

— Ты готов? — спросила старуха, отодвигая старый, пыльный шкаф от стены, за которым чернел провал подвала.

Кирилл молчал. Он смотрел в этот провал и видел, как из его глубины тянется к нему нечто, похожее на свет. Серый, тусклый, он струился снизу, и в нём танцевали тени.

Он не знал, готов ли.

Но иконка в его кармане вдруг стала обжигающе горячей, словно предупреждая. Или указывая путь.

Глава 2

Первый шаг вниз стал самым трудным. Не потому что ноги не слушались — они дрожали мелкой, судорожной дрожью, и каждый мускул в икрах сводило от напряжения. Трудным он был потому, что воздух в проёме подвала был другим. Он не пах. Он ощущался. Плотный, влажный, он облепил лицо, как

мокрая марля, и Кирилл на секунду задохнулся, чувствуя, как лёгкие отказываются принимать эту субстанцию, которая не была воздухом.

— Дыши через ткань, — голос старухи раздался сзади, и он почувствовал, как её сухая, шершавая ладонь легла ему на затылок. Пальцы были холодными, но не мёртвыми — в них чувствовалась сила, цепкая, почти стальная. — Медленно. Глубоко. Не паникуй, паника сжимает лёгкие, а здесь тебе понадобится каждый вдох.

Кирилл прижал ворот футболки к лицу. Ткань мгновенно намокла, пропиталась влагой, и он понял, что дышит не воздухом, а чем-то, похожим на туман. Вкус был горьковатым, с привкусом глины и старой меди. Но дышать стало легче.

Он шагнул второй раз. Нога провалилась глубже, чем он ожидал. Вместо бетонной ступеньки под подошвой оказалась земля — мягкая, рыхлая, она подалась под весом тела, и Кирилл услышал, как что-то под ней хрустнуло. Не камни. Что-то более хрупкое, более костлявое.

Свет сверху, из квартиры, почти не проникал вниз.

Только тусклый, сероватый отсвет, который струился из глубины провала, позволял разглядеть очертания. Кирилл опустил взгляд на то, на что наступил, и почувствовал, как желчь снова подступает к горлу.

Из земли торчали фаланги пальцев. Три пальца, сросшиеся, с обломанными ногтями, они лежали прямо под его кроссовком, и теперь он видел, как один из них, самый длинный, медленно сгибается, уходя обратно в землю. Земля засасывала кости, чавкая и пузырясь.

Он отдернул ногу и, потеряв равновесие, схватился за стену. Стена была мокрой. И живой. Под его пальцами она пульсировала, как больной зуб, и с каждым ударом пульса из неё сочились тёмная, маслянистая жидкость. Она стекала по его пальцам, оставляла липкие следы на ладонях, и от неё пахло чем-то сладким, приторным, как от застоявшейся в вазе воды, в которой уже начали разлагаться цветы.

— Не прикасайся к стенам, — старуха спустилась следом. Её шаги были бесшумными, но Кирилл слышал лёгкое шипение, с которым её ноги касались земли. Она будто плыла над поверхностью, почти не касаясь. — Здесь всё — часть его тела. Стены, пол, воздух.

Ты касаешься его кожи. Он чувствует тебя.

Он убрал руку. Ладонь была чёрной, будто вымазанной в саже, и под слоем грязи она начинала зудеть, чесаться так, что хотелось содрать кожу до мяса.

— Иди за мной, — старуха прошла вперёд, и её силуэт на мгновение заслонил серый свет. — И старайся не дышать слишком глубоко. Чем громче твой вдох, тем отчётливее он тебя слышит.

Коридор, в который они попали, был узким. Настолько узким, что плечи Кирилла почти касались стен с обеих сторон. Он сжался, втянул голову в плечи и пошёл, стараясь ступать только на те места, где старуха уже прошла. Её следы оставались на земле ненадолго — всего на пару секунд, а затем земля смыкалась, заглатывая их, словно жаждущая пасть.

Тишина была абсолютной. Ни звука шагов, ни дыхания, ни даже гула собственной крови в ушах — всё это куда-то исчезло. Остался только его собственный страх, который вибрировал в каждой клетке тела, заставляя мелкие мышцы лица

дёргаться, а глаза — бешено вращаться, пытаюсь разглядеть хоть что-то в этом сером мареве.

Внезапно он услышал шёпот. Сначала он принял его за звук собственной крови — иногда в полной тишине мозг начинает галлюцинировать, создавая звуки из ничего. Но шёпот становился громче. Он доносился из стен, из пола, из воздуха. Множество голосов, переплетающихся друг с другом, они произносили одно и то же слово, бесконечно повторяя его на разные лады.

— Имя... Имя... Имя...

Старуха остановилась так резко, что Кирилл чуть не врезался в неё. Он замер, чувствуя, как воздух вокруг становится плотнее, как он оседает на коже липкой плёнкой.

— Заткни уши, — сказала она, не оборачиваясь. — Не слушай их. Они ищут твоё имя. Если они его узнают, они смогут позвать тебя по-настоящему. Тогда ты уже не сможешь уйти.

Кирилл зажал уши ладонями. Но шёпот всё равно проникал внутрь, не через уши, а через кости

черепа, через зубы, через глаза. Он вибрировал в мозгах, заставляя их пульсировать, и в этой пульсации Кирилл начинал различать отдельные голоса.

Женский, высокий, срывающийся на визг. Мужской, низкий, хриплый, с кашлем. Детский — тонкий, плачущий, на одной ноте. И все они спрашивали:

— Как тебя зовут? Как тебя зовут? Как тебя зовут?

Сердце забилося быстрее, и вместе с ним, в такт, забилося что-то под землёй. БУМ. БУМ. Это пронеслось по коридору, и Кирилл почувствовал, как его собственное сердце пропустило удар, пытаясь подстроиться под чужой ритм. Грудную клетку сдавило, рёбра хрустнули, и он понял, что если он не перестанет дышать в такт с этим сердцем, оно сломает его изнутри.

— Дыши через раз, — прошептала старуха. — Раз в два удара. Не поддавайся ритму.

Он попытался. Вдох — пропустить — выдох. Но этот ритм был слишком сильным. Он навязывался, заставляя диафрагму сокращаться в такт, и каждый

раз, когда он не дышал, когда пропускал удар, лёгкие скручивало в спазме, будто их сжимали в тисках.

Старуха вдруг развернулась и схватила его за плечи. Её лицо оказалось так близко, что он видел каждую морщину, каждую трещинку на сухой, серой коже. Глаза её были тёмными, почти чёрными, и в глубине их копошилось что-то живое, скользящее, похожее на червей.

— Смотри на меня, — сказала она. — Смотри в мои глаза и считай. Один, два, три. Вдох только на "три". Понял?

Он кивнул, не в силах говорить. Она не отпускала его плеч, и в её пальцах чувствовалась странная теплота. Живая теплота, которой не было в этом мёртвом коридоре.

Раз. Два. Три.

Он вдохнул. Воздух обжёг лёгкие, но они расправились, разжались, выпуская чужой ритм. Он снова был хозяином своего тела. Хотя бы на мгновение.

Старуха отпустила его и отвернулась.

— Мы почти на месте, — сказала она, и в её голосе слышалась усталость. — Там, впереди, зал. В нём он спал. Ты должен увидеть его. Понять, что он такое. Иначе ты никогда не сможешь найти его имя.

Коридор закончился внезапно, оборвавшись каменной аркой. За ней открывалось пространство, которое Кирилл не мог осознать. Оно было огромным. Настолько огромным, что потолок терялся в темноте, а стены, если они вообще были, растворялись в сером тумане, колышущемся на границе видимости.

Пол был неровным, покрытым чёрной, блестящей коркой, похожей на застывшую лаву. И в этой корке торчали предметы. Кирилл подошёл ближе и понял, что это вещи. Тысячи вещей, которые когда-то принадлежали людям. Очки, часы, ключи, кошельки, детские игрушки, мобильные телефоны — они были вплавлены в чёрную поверхность, как жуки в янтаре. Но главное — они все были прикреплены к чему-то. К тонким, длинным нитям, которые тянулись из-под корки и уходили куда-то вверх, к центру зала.

Кирилл поднял голову и увидел его.

В центре, в паре метров над полом, висела масса.

Нечто, сотканное из этих нитей — серых, пульсирующих, влажных. Они сплетались в огромный, уродливый кокон, который медленно пульсировал, сокращаясь и расширяясь в такт с тем самым сердцем. БУМ. БУМ. БУМ. От каждого сокращения по нитям пробегала дрожь, и тогда все предметы на полу начинали двигаться. Часы тикали, игрушки издавали слабый, искажённый писк, телефоны вибрировали.

— Он ещё не проснулся, — прошептала старуха. — Но он почти готов. Видишь эти нити? Они тянутся от него к каждому мёртвому в городе. Он — их центр. Их память. Их ядро.

Она подошла к кокону и протянула руку. Её пальцы коснулись нитей, и те зашевелились, потянулись к ней, обвивая её кисть, впиваясь в кожу. Она не дрогнула.

— Смотри, — сказала она, и её голос стал глубже, старше, словно в нём заговорило что-то древнее. —

Смотри и запоминай. Каждый предмет здесь —

память человека. Если ты найдёшь тот, который принадлежит ему, ты узнаешь его имя. А зная имя, ты сможешь его уничтожить.

Кирилл шагнул в зал. Ноги утопали в чёрной корке, она была вязкой, и каждый шаг давался с трудом. Он смотрел на предметы, вплавленные в пол, и вдруг понял, что некоторые из них он узнаёт. Вот детская соска, та самая, которую он выбросил, когда ему было пять. Вот ключи от его старой машины, угнанной год назад. Вот телефон его матери, разбитый экран, трещина в форме буквы "М".

— Нет, — прошептал он, пятясь назад. — Это мои вещи. Как они здесь?

— Потому что ты уже почти стал одним из них, — старуха повернулась к нему. Её лицо было спокойным, но в глазах горел странный огонь. — Эта штука не просто спит под городом. Она впитывает память каждого, кто умирает. И каждого, кто долго находится рядом. Ты был рядом с ней всю свою жизнь, Кирюша. Ты просто не знал.

Она указала ему на центр кокона:

— Посмотри туда. Где нити сходятся в узел. Ты видишь?

Он подошёл ближе, чувствуя, как воздух становится гуще, тяжелее, как его лёгкие начинают наполняться этим странным, влажным туманом. Глаза слезились, но он смотрел, пытаясь разглядеть то, что пряталось внутри.

И увидел.

В центре кокона, в узле из серых нитей, висела фотография. Старая, выцветшая, с рваными краями. На ней была женщина. Молодая, с длинными чёрными волосами, в белом платье. Она улыбалась, и в её улыбке было что-то до боли знакомое.

Кирилл замер. Холод пробежал по его спине, волнами расходясь по всему телу, сковывая мышцы, сжимая сердце ледяными пальцами.

— Это... — прошептал он, не веря своим глазам. — Это моя бабушка. Молодая. Я видел эту фотографию в её альбоме. Но как...

Старуха подошла к нему сзади и положила руки на

его плечи. Её пальцы были холодными, но не мёртвыми. Они всё ещё хранили ту странную теплоту, которая не давала ему провалиться в панику.

— Это не твоя бабушка, — сказала она. — Это та, кого он любил. Та, из-за которой он стал тем, кем стал. Её звали Екатерина. И её имя — ключ к его прошлому.

Она замолчала, и в тишине зала гулко раздался звук, от которого у Кирилла волосы зашевелились на затылке.

Сверху, из темноты, донеслось движение. Шелест тысяч нитей, которые начинали дрожать, вибрировать, издавать жалобный, похожий на стон звук.

— Он чувствует тебя, — прошептала старуха. — Он знает, что ты здесь. И он знает, что ты видел её лицо.

Кирилл почувствовал, как под его ногами чёрная корка начинает трескаться, расходиться тонкими паутинками. Из трещин вырывался холодный воздух, и в нём слышалось то же слово, которое шептали

голоса в коридоре.

— Екатерина... Екатерина... Екатерина...

Старуха резко развернула его к себе и заглянула в глаза.

— Слушай меня внимательно, — сказала она, и в её голосе послышались нотки паники. — Ты должен забрать эту фотографию. Это единственное, что связывает его с человеческим миром. Пока она здесь, он не может проснуться полностью. Но как только кто-то её тронет... — она замолчала, и её пальцы впились в его плечи с такой силой, что он почувствовал боль. — Как только ты её коснёшься, он проснётся. И тогда у тебя будет ровно один удар сердца, чтобы сказать его имя.

— Но я не знаю его имени! — выдохнул Кирилл. — Ты сказала — Екатерина! Это её имя!

— Нет, — старуха покачала головой, и в её глазах мелькнула тень отчаяния. — Это её имя. А его имя — в том месте, откуда она родом. Там, где они встретились. Там, где он умер впервые. Иди, Кирюша. Иди и заведи её. И когда он проснётся, ты

поймёшь, что нужно сказать.

Кирилл смотрел на фотографию. Она висела в узле нитей, такая старая, такая хрупкая. Его рука дрожала, когда он протянул её к ней. Иконка в кармане стала обжигающе горячей, будто предупреждая: не делай этого, остановись.

Но он уже сжал пальцы вокруг края фотографии.

И в тот же миг воздух вокруг него взорвался. Крик.

Тысячи голосов закричали одновременно, оглушая, пронизывая его тело до костей. Кокон дёрнулся, нити натянулись, и из-под чёрной корки, ломая её, начали подниматься руки. Сотни рук, покрытых серой кожей, с длинными, острыми ногтями. Они тянулись к нему, хватали за ноги, за талию, за плечи.

Он успел отпрыгнуть назад, прижимая фотографию к груди. За спиной старуха что-то кричала, но он не слышал слов — только вой, который заполнял всё пространство зала.

И вдруг в этом вое он отчётливо услышал голос. Один единственный голос, который заглушал все остальные.

— Кирюша... — он был низким, мужским, и в нём звучала такая любовь, что у Кирилла остановилось сердце. — Ты нашёл её. Спасибо тебе, внучек. Ты принёс её мне.

Кирилл повернулся и увидел его.

Из кокона, из самого центра, выходила фигура. Высокая, худая, в чёрном сюртуке, с лицом, которое было то ли старым, то ли молодым — оно менялось каждое мгновение, перетекая из одной формы в другую. Глаза его горели зелёным светом, и в них было столько мудрости и безумия, что Кирилл не выдержал и попятился.

— Ты не знаешь, кого принёс мне, — сказала фигура, улыбаясь. — Ты думаешь, я — зло? Нет, внучек. Я — память. Я — любовь. Я — всё то, что вы похоронили здесь за сотни лет.

Он шагнул вперёд, и от этого шага земля содрогнулась. Руки, поднимающиеся из пола, замолкли. Воцарилась тишина.

— Иди, — прошептала старуха из-за спины Кирилла.

— Беги. Я задержу его. Но помни: у тебя есть только одна попытка. Если ты не скажешь его имя до того, как он коснётся тебя, ты станешь частью него навсегда.

Кирилл рванул назад, в коридор. Ноги скользили по чёрной корке, руки хватались за стены, и каждая секунда этого бега была как вечность. За спиной раздался звук — глухой удар, и хруст, и крик старухи. А затем — тишина.

Он бежал, не оглядываясь. В груди горела фотография, и рядом с ней, в кармане, — иконка, которая снова начала нагреваться, обжигая кожу через ткань джинсов.

Он вылетел из коридора, влетел в подвал, взлетел по лестнице, чувствуя, как ноги горят огнём, а лёгкие разрываются от нехватки воздуха.

И когда он выбежал в тусклый свет квартиры, когда захлопнул за собой дверь и привалился к ней спиной, он понял, что в руке у него зажата не только фотография.

Что-то ещё. Маленькое, тяжёлое, холодное.

Он разжал пальцы и посмотрел.

Ключ. Старый, ржавый, с выгравированной на нём буквой "Е".

И из-за двери, из подвала, донёсся тихий, нарастающий смех. Он шёл из-под самой земли, он был повсюду, он заполнял всё пространство.

И в этом смехе Кирилл отчётливо слышал шёпот, который заставил его кровь застыть в жилах:

— Ты уже держишь ключ, Кирюша. Осталось только найти дверь. А она прямо под твоими ногами.

Кирилл посмотрел вниз, на пол. И понял, что пол уже не деревянный. Он стал серым, вязким, он пульсировал. Прямо под его ногами начинал открываться провал, и оттуда, из глубины, тянулись тысячи рук.

Смех становился всё громче.

И в этот момент Кирилл слышал, как снаружи, за дверью, кто-то остановился. Шаркающий шаг, и

тяжёлое дыхание, и голос, который он узнал бы из тысячи:

— Кирюша... Я пришла за тобой. Ты забыл меня там, под землёй. Ты забыл свою бабушку.

Он стоял, вжавшись спиной в дверь, чувствуя, как дерево вибрирует от ударов с той стороны. Но ударов не было. Только шарканье, и дыхание, и голос, который просачивался сквозь щели, оседал на его коже липким холодом.

— Кирюша, открой.

Голос был её. До дрожи, до судороги в пальцах. Так она звала его в детстве, когда он прятался под кроватью, играя в прятки. «Кирюша, выходи, я знаю, ты там». Таким же тоном, с той же ласковой настойчивостью. Но сейчас в этом голосе было что-то ещё. Что-то, что заставляло его внутренности скручиваться в тугой, болезненный узел. Голод.

Он сжал ключ в кулаке. Ржавый металл впился в ладонь, оставляя на коже коричневые разводы, похожие на ржавчину. Или на кровь. Он не мог разобрать. Пальцы онемели, но он продолжал

сжимать, потому что только боль от ключа, острая, режущая, не давала ему провалиться в этот голос.

— Бабушка, — прошептал он, и голос сорвался, превратился в хрип. — Ты умерла. Я сам тебя хоронил.

За дверью повисла тишина. На секунду. А потом раздался звук, от которого у Кирилла подкосились ноги. Смех. Тот самый смех, который он слышал в детстве, когда бабушка рассказывала ему смешные истории. Звонкий, залиvistый, с лёгкой хрипотцой. Но сейчас он звучал иначе. В нём слышалось эхо — десятки, сотни голосов смеялись вместе с ней, сливаясь в какофонию, от которой стены начинали дрожать.

— Хоронил, — повторила она, и смех оборвался так же внезапно, как начался. — А ты уверен, что похоронил меня? Ты помнишь, что было в гробу, Кирюша?

Он зажмурился. Воспоминание ударило в висок острой болью. Сентябрь. Холодный ветер с Машука. Гроб, обитый красной тканью. Он стоял у ямы, сжимая в руках горсть земли, и смотрел на лицо

бабушки. Оно было спокойным, почти улыбающимся, и косметика скрывала синеву под глазами. Он бросил землю. Комок стукнул о крышку. И в тот момент ему показалось, что он услышал стон. Тихо, едва различимо, но он услышал. Он тогда подумал, что это ветер.

— Ты слышал меня, — голос за дверью стал тише, почти доверительным. — Я звала тебя. Я звала тебя всё это время, а ты ушёл. Ты бросил меня там, в темноте, в холоде. А теперь ты пришёл. Пришёл, чтобы спасти себя. Но что насчёт меня, Кирюша? Что насчёт твоей бабушки?

Кирилл открыл глаза. В квартире было темно, только красноватый отблеск из-за штор падал на пол, рисуя длинные, дрожащие тени. Он посмотрел вниз. Пол больше не был деревянным. Он стал серым, вязким, и из него, прямо из досок, сочилась та же чёрная жидкость, что покрывала улицы. Она собиралась в лужицы у его ног, и в каждой лужице отражалось что-то. Лица. Множество лиц, искажённых гримасами, с открытыми ртами, из которых не было слышно крика.

Он шагнул в сторону, подальше от этой жижи, и его нога коснулась чего-то твёрдого. Он опустил взгляд.

На полу, рядом с разбитой лампой, лежала фотография. Та самая, которую он вырвал из кокона. Она выпала из его руки, когда он сжимал ключ.

Он нагнулся, чувствуя, как каждый позвонок хрустит от напряжения, и поднял её. Фотография была тёплой. Живой. И когда он прикоснулся к ней пальцами, он почувствовал, как изображение начинает меняться. Молодая женщина в белом платье, улыбающаяся, с чёрными волосами, стала стареть на глазах. Её лицо покрывалось морщинами, волосы седели, глаза тускнели. И через несколько секунд на фотографии была уже не Екатерина. На ней была его бабушка. Та самая, которую он похоронил. Она смотрела на него с выцветшего снимка, и её губы шевелились, беззвучно произнося его имя.

— Нет, — прошептал он, роняя фотографию. Она упала на пол, и в тот же миг из неё, как из раны, хлынула чёрная жижа, заливая доски. — Нет, это не она. Это не она!

За дверью раздался тихий, печальный вздох.

— Ты прав, Кирюша. Это не я. Но я здесь. Я всегда

была здесь. Я ждала тебя. И теперь ты пришёл, чтобы забрать меня.

Он услышал, как дверная ручка медленно поворачивается. Сначала скрипнул металл, а затем раздался звук, от которого по его телу пробежала судорога. Кто-то с той стороны пробовал замок. Пальцы — длинные, с обломанными ногтями — просунулись в щель между дверью и косяком. Они были серыми, покрытыми землёй, и от них пахло могилой. Пальцы нащупали замок, и Кирилл услышал, как тот щёлкает, поддаваясь.

Он отскочил от двери, вжался в стену, чувствуя, как штукатурка осыпается ему на плечи. В руке он всё ещё сжимал ключ, а в кармане иконка пульсировала жаром, словно маленькое, живое сердце. Но она остывала. С каждой секундой она становилась всё холоднее, и он знал: ещё немного, и она перестанет защищать его.

— Кирюша, — голос доносился уже не из-за двери. Он звучал прямо в его голове, заполняя каждый уголок сознания. — Открой глаза. Посмотри на меня. Я так по тебе скучала.

Он не хотел открывать. Но веки сами поднялись, и он увидел, как дверь медленно, с противным скрипом, отворяется. В проёме стояла фигура. Она была маленькой, сторбленной, в чёрном платке. Но лица не было видно — только тень, которая колыхалась, как пламя свечи на ветру.

— Бабушка, — выдохнул он, и это слово обожгло его горло.

Фигура шагнула в квартиру. Пол под её ногами не скрипел — он чавкал, и в этом звуке слышалось то же самое сердце, бившееся под землёй. БУМ. БУМ. Каждый шаг отзывался в его груди болью, и он чувствовал, как чёрные нити под лопатками снова начинают распрямляться, тянуться к позвоночнику.

— Я пришла за тобой, — сказала она, и её голос вдруг стал молодым, звонким, как у девушки. — Пойдём. Там, где ты был, ты не сможешь спрятаться. Пойдём со мной, Кирюша. Я покажу тебе, где он родился.

Она протянула руку. Кисть была тонкой, костлявой, но пальцы — длинными, с неестественно длинными ногтями. И на одном из них висело кольцо.

Обручальное. То самое, которое он видел на фотографии, когда бабушка показывала ему свой свадебный альбом.

— Ты помнишь это кольцо? — спросила она, и в голосе послышалась улыбка. — Он подарил его мне. Там, внизу. Там, где мы встретились впервые.

Кирилл смотрел на кольцо, и вдруг его осенило. Он перевёл взгляд на ключ в своей руке. На нём была выгравирована буква «Е». Екатерина. Но на кольце, которое она носила, он увидел буквы. Три буквы, выгравированные на внутренней стороне. Он не видел их раньше, но сейчас, когда она протянула руку так близко, он разглядел.

«А.В.Н.»

— Кто он? — выдохнул Кирилл, чувствуя, как горло сжимается от страха. — Кто тот, кто спит под Машуком?

Фигура замерла. Тень, скрывающая лицо, дрогнула, и он увидел его. Мгновение. Всего лишь одно мгновение, но этого хватило, чтобы в его памяти всплыло лицо. Мужчина. С тёмными, почти чёрными

глазами, высокий, с прямым носом и тонкими губами. Он был красив, по-старомодному красив, и в его взгляде горела такая любовь, что у Кирилла перехватило дыхание.

— Его звали Алексей, — прошептала фигура, и голос её дрогнул. — Алексей Васильевич Новиков. Он был моим мужем. Он умер в 1917 году. Застрелился в подвале этого дома, когда узнал, что я выхожу замуж за другого.

Она замолчала, и тишина повисла в комнате, тяжёлая, как могильная плита. Кирилл слышал только своё сердце, которое билось где-то в горле, мешая дышать.

— Но он не ушёл, — продолжила она, и голос её стал твёрже, холоднее. — Он остался. Он ждал меня. Он ждал тебя. Теперь ты знаешь его имя. И теперь ты должен решить: ты пойдёшь со мной и отдашь ему то, что принадлежит ему по праву, или...

— она сделала паузу, и в этой паузе Кирилл услышал, как снаружи, на лестнице, начинают подниматься шаги. Множество шагов. Тысячи ног, которые шаркали по ступенькам, приближаясь. —
...или ты попытаешься сбежать. Но помни: ты уже

несешь в себе его частицу. Те нити, что вросли в твоё тело, они растут. Они будут расти, пока ты не придёшь к нему. А если ты не придёшь — они разорвут тебя изнутри.

Кирилл прижал руку к груди. Под рёбрами он чувствовал движение — слабое, едва заметное, но оно было. Чёрные нити шевелились, пульсировали, и с каждым ударом сердца они вплетались глубже в его мышцы.

— Зачем ты помогаешь мне? — спросил он, глядя в тень, скрывающую лицо. — Если ты — его жена, если ты часть этого, зачем ты сказала мне его имя?

Фигура медленно покачала головой.

— Потому что я не хочу, чтобы он просыпался, Кирюша. Он был добрым человеком, но смерть изменила его. Она сделала его голодным. И если он проснётся, он поглотит всё. Весь город. Всех живых. Я не хочу этого. Я хочу, чтобы он нашёл покой. А покой он сможет найти только тогда, когда его имя будет произнесено вслух тем, кто не боится.

Она шагнула к нему, и он почувствовал, как воздух

вокруг неё становится холодным, почти ледяным.

— Но чтобы произнести его имя, ты должен коснуться его. Лично. Встать перед ним и сказать: «Алексей Васильевич Новиков, отпусти». И тогда он сможет уйти.

Кирилл смотрел на неё, на эту фигуру, которая была одновременно его бабушкой и чужой женщиной, на кольцо на её пальце, на ключ в своей руке. И он понимал, что у него нет выбора. Нити в его теле пульсировали всё сильнее, и с каждым мгновением они прорастали глубже, сжимали лёгкие, перекрывали дыхание.

— Я согласен, — выдохнул он, чувствуя, как слова вырываются из самого сердца. — Я пойду.

Фигура кивнула. И в тот же миг она начала таять, растворяться в воздухе, оставляя после себя только запах ладана и могильной земли. Но голос её остался, звуча в его голове, как эхо:

— Иди за мной, Кирюша. Я покажу тебе путь. Но помни: когда ты войдёшь в его логово, назад дороги не будет. Ты либо освободишь его, либо станешь

частью его навсегда.

Кирилл сжал ключ и фотографию в одной руке, иконку — в другой. Он чувствовал, как предметы в его ладонях взаимодействуют, пульсируют в унисон, создавая странную, вибрирующую гармонию. И он понял: они — часть одного целого. Ключ, фотография, иконка — всё это вело к нему. К

Алексею Васильевичу Новикову, человеку, который умер больше ста лет назад и превратился в чудовище, спящее под Пятигорском.

Он шагнул к двери, перешагнул через порог и оказался на лестничной площадке. Лестница была пуста. Никаких фигур, никаких голосов. Только тишина, нарушаемая его собственным дыханием. Но он знал: они ждут. Все они. Тысячи мёртвых, которые поднимаются из-под земли, чтобы приветствовать своего хозяина.

Он начал спускаться. Каждая ступенька отдавалась в его ногах глухой болью, и с каждым шагом он чувствовал, как воздух становится гуще, холоднее, как из стен начинает сочиться та же чёрная жидкость, что заливала город.

И когда он дошёл до первого этажа, когда толкнул дверь подъезда и вышел на улицу, он увидел их.

Они стояли вдоль всей улицы. Тысячи фигур, застывших в неестественных позах. Старые и молодые, мужчины и женщины, дети. Все они смотрели на него мёртвыми, белыми глазами, и их губы шевелились в унисон, произнося одно и то же:

— Иди к нему. Иди. Он ждёт.

И в этом многоголосом хоре Кирилл отчётливо услышал голос Екатерины, который прозвучал громче всех:

— Ты знаешь путь, Кирюша. Дверь под Машуком. Там, где он спит. Ты найдёшь её по ключу, что держишь в руке. И когда ты войдёшь — не бойся. Помни: он не злой. Он просто забыл, как быть человеком.

Кирилл сделал шаг вперёд. Толпа расступилась, открывая ему дорогу к подножию Машука. Там, где начиналась тропа, ведущая к вершине, он увидел вход. Заброшенный, заросший мхом, он зиял чёрной дырой, из которой тянуло холодом и сыростью.

И в его груди, прямо под сердцем, забился второй пульс. Чужой. Глубокий. Он отдавался эхом в каждой кости, в каждом позвонке, и Кирилл понял: он уже идёт к нему. Не по своей воле. Его тело двигалось само, подчиняясь этому ритму, ведомое нитями, которые становились всё плотнее, всё крепче.

Он остановился перед входом. Ключ в его руке начал светиться, излучая слабый, жёлто-зелёный свет. Фотография на его груди нагрелась, и он почувствовал, как изображение начинает оживать, как женщина на ней открывает глаза и улыбается ему.

— Иди, — прошептала она. — Иди к нему. Я буду с тобой.

Кирилл сделал глубокий вдох, чувствуя, как холодный воздух врывается в лёгкие, смешиваясь с чёрным туманом, который поднимался из глубины входа.

И он шагнул в темноту.

За его спиной, в городе, раздался вой. Тысячи

голосов завывали в унисон, приветствуя его уход. И над всем этим воем, прорезая небо, зазвучал тихий, почти человеческий смех.

Он доносился из глубины Машука.

Он доносился из самого сердца Города мёртвых.

И Кирилл знал: он идёт прямо в его объятия.

Он шагнул в темноту, и в тот же миг за спиной захлопнулась невидимая дверь, отрезая путь назад. Нити под лопатками дёрнулись, прорастая глубже, и он услышал, как его собственное сердце начинает биться в унисон с тем, что ждало внизу. Ключ в руке горел всё ярче, освещая ступени, уходящие в самое сердце горы, и Кирилл понял, что не знает, сколько времени у него есть — возможно, минута, возможно, вечность, но он знал точно: наверху, в городе, его уже считают мёртвым. И когда он войдёт в зал, где спит Алексей Васильевич Новиков, он увидит не только чудовище — он увидит своё собственное отражение, потому что нити уже вплелись в его душу, и последний шаг будет не его выбором, а его судьбой. Тьма сомкнулась над ним, и в этой тьме раздался шёпот, который он слышал уже не снаружи, а из-

нутри себя: «Ты пришёл, внучек. Я ждал тебя сто лет. И теперь мы никогда не расстанемся».

Глава 3

Ступени были мокрыми. Не от воды — от плоти. Кирилл чувствовал это каждой клеткой подошвы: под его кроссовками пульсировала тёплая, упругая поверхность, которая прогибалась под весом тела, как живой язык. Каждый шаг оставлял вмятину, которая медленно, с чавкающим звуком, восстанавливалась, заглатывая след, стирая память о том, что он здесь был.

Он остановился. Воздух вокруг него был плотным, почти осязаемым. Он облепил лицо влажной пеленой, и Кирилл чувствовал, как мельчайшие капли оседают на ресницах, на губах, на коже, оставляя солоноватый привкус. Он провёл рукой по щеке — пальцы стали липкими, и когда он поднёс их к глазам, он увидел, что они покрыты тонким слоем слизи. Она поблёскивала в тусклом свете ключа, переливаясь маслянистыми разводами.

Он не знал, сколько прошло времени. Минуты? Часы? Здесь, в этой темноте, время текло иначе —

оно сгущалось, становилось вязким, как та жижа, что покрывала ступени. Каждый шаг отнимал силы, и с каждым шагом он чувствовал, как чёрные нити под лопатками разрастаются, проникают глубже, обвивая позвонки, сплетаясь в тугой узел у основания черепа. Голова гудела, и в этом гуле он слышал шёпот. Сотни голосов, которые сливались в один, монотонный, гипнотический.

— Иди к нам... Иди... Мы ждём тебя...

Кирилл сжал ключ в руке. Металл был горячим, почти обжигающим, и это тепло разгоняло туман в голове, возвращало его в реальность. Он посмотрел на фотографию, которую держал в другой руке. Женщина на снимке больше не улыбалась. Её лицо было напряжённым, глаза широко раскрыты, и он заметил, как она дрожит. Мелкая, едва заметная дрожь пробегала по её изображению, и Кирилл понял: она чувствует то же, что и он. Она боится.

— Екатерина, — прошептал он, и его голос прозвучал глухо, как из-под воды. — Ты знаешь, что там, внизу? Ты знаешь, что я найду?

Фотография не ответила. Но он почувствовал, как

она стала теплее, и по её поверхности пробежала рябь, как по воде. Женщина на снимке медленно подняла руку и указала куда-то вперёд, в глубину туннеля, который виднелся в конце лестницы.

Кирилл пошёл дальше. Ступени закончились внезапно, оборвавшись, и он шагнул вниз, проваливаясь в рыхлую, влажную землю. Она была мягкой, как перегной, и он чувствовал, как она просачивается сквозь ткань кроссовок, облепляет ступни, забирается между пальцев. В ней что-то шевелилось. Мелкое, быстрое, оно скользило по его коже, оставляя мокрые, холодные следы.

Он хотел отшатнуться, но ноги не слушались. Они утопали в этой массе, вязли в ней, и каждый шаг давался с трудом, будто он брёл по болоту, которое засасывало его всё глубже.

Туннель расширился. Стены расступились, и он оказался в пространстве, которое невозможно было измерить взглядом. Оно уходило вверх, в бесконечность, и потолка не было видно — только тьма, густая, непроглядная, в которой иногда вспыхивали огоньки. Маленькие, зелёные, они то появлялись, то исчезали, и Кирилл понял, что это

глаза. Тысячи глаз, смотрящих на него из темноты.

Они не моргали.

Он замер, чувствуя, как дрожь пробегает по позвоночнику. Каждый мускул его тела был напряжён до предела, и он слышал, как зубы стучат друг о друга с противным, сухим звуком. Холод проникал под кожу, заставляя кровь в венах загустевать, становиться вязкой, как та жижа, что окружала его со всех сторон.

Он поднял руку с ключом. Свет, исходящий от него, стал ярче, и в его жёлто-зелёном сиянии он увидел, что стены пещеры покрыты чем-то. Не камнем.

Тканью. Серой, тонкой, она была натянута между выступами, и она пульсировала. Каждое её сокращение отдавалось в его груди глухим ударом. БУМ. БУМ.

Он подошёл ближе и коснулся её рукой. Ткань была влажной, тёплой, и под его пальцами она дрожала, как кожа живого существа. Он отдёргнул руку, но на его ладони остался след — несколько тонких, тёмных нитей, которые тянулись за ним, пытаясь прилипнуть к его коже. Он стряхнул их, и они упали

на землю, где сразу же растворились, впитавшись в чёрную почву.

— Не трогай стены, — раздался голос. Тихий, женский, он доносился откуда-то сверху, и Кирилл поднял голову. Над ним, в нескольких метрах, висела фигура. Она была почти прозрачной, и сквозь неё он видел пульсирующую ткань. Екатерина. Её лицо было бледным, глаза — пустыми, и она смотрела на него сверху вниз, покачиваясь в воздухе, как лист на ветру.

— Он чувствует тебя, — продолжила она, и её голос звучал эхом, разлетаясь по пещере. — Каждое твоё прикосновение — как удар для него. Ты будишь его. Ты делаешь его сильнее.

Кирилл попятился, но его нога наступила на что-то твёрдое, и он услышал хруст. Он опустил взгляд. На земле, прямо под его кроссовком, лежала кость. Человеческая. Длинная, бедренная, она была чистой, без следов плоти, и на ней виднелись глубокие царапины, как будто её грызли зубами.

Он отскочил в сторону, и его взгляд упал на то, что лежало вокруг. Кости. Сотни костей, разбросанных по

всей пещере. Черепа, рёбра, позвонки — они белели в тусклом свете, и между ними, в промежутках, копошилось что-то тёмное, влажное.

— Это те, кто пытался уйти, — прошептала Екатерина. — Они доходили до него, но не могли произнести его имя. И он забирал их. Забирал их память, их плоть, их души. Они стали частью его. Теперь они — его голос.

Она указала вперёд, туда, где туннель сужался, образуя арку, за которой было видно свечение.

Бледное, мерцающее, оно струилось из-под арки, и оттуда доносился звук. Ритмичный, глубокий, он был похож на дыхание гигантского существа, которое спало и видело сны.

— Он там, — сказала Екатерина, и её голос дрогнул.

— Он ждёт тебя. Иди. Но помни: когда ты войдёшь, ты должен смотреть ему в глаза. Не отворачивайся.

Иначе он завладеет твоим разумом.

Кирилл сделал шаг вперёд. Ключ в его руке горел всё ярче, освещая путь, и он видел, как его свет отбрасывает тени на стены. Тени двигались. Они не повторяли его движений — они жили своей жизнью,

извиваясь и переплетаясь, и в них угадывались силуэты. Людей. Сотен людей, которые стояли вдоль стен, застыв в неестественных позах.

Он прошёл под аркой и остановился.

Зал был огромным. Потолок терялся в темноте, и только свечение, исходящее из центра, освещало пространство. Там, в центре, на каменном постаменте, лежало тело. Оно было одето в чёрный сюртук, руки сложены на груди, и лицо его было спокойным, почти умиротворённым. Но вокруг тела, от него самого, шли нити. Тысячи серых нитей, которые тянулись к стенам, к потолку, к земле. Они пульсировали, переливаясь тёмным светом, и на их концах висели предметы. Часы, игрушки, ключи, фотографии — всё, что он видел в предыдущем зале.

Но теперь он видел больше. На каждой нити, прямо у основания, висело что-то ещё. Амулеты. Старые, медные, покрытые патиной, они поблёскивали в свете, и на каждом из них была выгравирована буква. Кирилл подошёл ближе, чувствуя, как воздух становится холоднее с каждым шагом, и различил буквы.

«К. — И. — Р. — И. — Л. — Л.»

Его имя.

Он замер. Сердце пропустило удар, и в тот же миг чёрные нити под его лопатками дёрнулись, прорастая глубже, вплетаясь в лёгкие, в сердце. Он почувствовал, как они сжимают его изнутри, и из горла вырвался хрип.

— Ты видишь, Кирюша, — голос раздался прямо из-за его спины, и он обернулся. Никого не было. Только тени, которые клубились на стенах, принимая форму его собственного силуэта. — Ты уже часть меня. Ты всегда был частью меня.

Кирилл повернулся обратно. Тело на постаменте лежало неподвижно, но его глаза были открыты. Чёрные, глубокие, они смотрели прямо на него, и в них не было жизни. Только пустота, которая затягивала его взгляд, как бездонный колодец.

— Алексей Васильевич Новиков, — прошептал он, чувствуя, как его голос срывается, превращается в жалкий писк.

Тело не шевельнулось. Но нити вокруг него начали дрожать, вибрировать, и из них вырвался звук. Стон. Тысячи голосов застонали одновременно, и этот стон заполнил весь зал, проник в каждую клетку его тела, заставляя кости вибрировать в унисон.

— Ты произнёс моё имя, — голос раздался у него в голове, громкий, властный, он заглушал все остальные звуки. — Но ты не сказал его правильно. Ты должен сказать то, что я хочу услышать. Ты должен сказать, что я — человек. Что я — любовь. Что я — жизнь.

Кирилл смотрел в эти чёрные глаза, и он чувствовал, как его воля начинает таять. Как мысли путаются, как он забывает, зачем пришёл. Ему хотелось опуститься на колени, прикоснуться к этим нитям, стать частью этого великого, всепоглощающего существа.

— Нет, — прошептал он, сжимая ключ в руке. Металл обжёг ладонь, и боль вернула его в реальность. — Нет. Ты не человек. Ты — проклятие. Ты — то, что должно умереть.

Он сделал шаг вперёд, поднимая ключ над головой. И в тот же миг тело на постаменте дёрнулось. Голова повернулась к нему, и губы растянулись в улыбке, от которой кровь застыла в жилах.

— Умереть? — голос засмеялся, и этот смех отдался в его позвоночнике пронзительной болью. — Я уже умер, Кирюша. Я умер сто лет назад. Я — то, что осталось. И ты не можешь убить меня, потому что я — это ты. Ты — моя кровь. Моя плоть. Мой внук.

Кирилл замер. Слова упали в его сознание, как камни в глубокую воду, поднимая муть воспоминаний. Бабушка. Её рассказы. О том, что её дед пропал без вести в 1917 году. О том, что его звали Алексей. О том, что он был красивым, статным, но со странными, чёрными глазами, которые пугали людей.

— Нет, — выдохнул он, пятясь назад. — Нет, это неправда.

— Правда, — голос Алексея стал мягче, почти ласковым. — Ты — моё продолжение. Моя надежда. Ты пришёл сюда не случайно. Ты пришёл, чтобы занять моё место. Чтобы стать новым сердцем Города мёртвых.

Нити вокруг тела зашевелились, потянулись к нему, обвивая его ноги, талию, руки. Они были холодными, скользкими, и от них пахло могилой. Он пытался

вырваться, но нити сжимались всё сильнее, впиваясь в кожу, проникая под неё, сливаясь с теми, что уже росли внутри него.

— Нет, — прошептал он, чувствуя, как сознание начинает мутиться, как перед глазами плывут тени.

— Нет... Я не хочу...

Голос Екатерины раздался снова, но теперь он звучал откуда-то издалека, из глубины его собственного сознания:

— Кирюша! Скажи его имя! Полностью! Скажи, что ты прощаешь его! Только тогда он отпустит!

Кирилл сжал ключ в руке из последних сил. Он поднял его над головой, и в свете этого ключа он увидел лицо Алексея. Оно менялось, превращаясь из старого в молодое, из красивого в уродливое, и в нём мелькали тысячи лиц. Лиц тех, кого он поглотил.

— Алексей Васильевич Новиков, — выдохнул он, и

его голос сорвался на крик. — Я прощаю тебя!
Отпусти!

Тишина.

Нити замерли. Тело на постаменте перестало дышать. И в этой тишине Кирилл слышал звук. Тихий, едва различимый, как будто кто-то плакал. Стон, полный боли и облегчения.

И затем — грохот. Земля под его ногами содрогнулась, и он упал, чувствуя, как нити, сжимавшие его тело, разрываются, выходят из-под кожи, оставляя на ней глубокие, кровоточащие раны. Он закричал от боли, но крик его заглушил рёв, который поднялся из глубины горы.

Стены пещеры начали рушиться. Камни падали сверху, и он едва успел отползти в сторону, когда на месте постамента образовался провал. Чёрная, бездонная пропасть, из которой доносился холодный ветер.

Кирилл лежал на земле, тяжело дыша, чувствуя, как кровь стекает по его телу, смешиваясь с грязью и слизью. Он смотрел на провал, и в его глубине он

видел свет. Бледный, дрожащий, он поднимался из самой бездны.

И в этом свете он увидел фигуру. Мужчина в чёрном сюртуке стоял на дне пропасти, и его лицо было спокойным. Он смотрел на Кирилла, и в его глазах больше не было пустоты. Только благодарность.

— Спасибо, внучек, — прошептал он, и его голос растворился в воздухе, как утренний туман. — Ты освободил меня.

Фигура начала таять, превращаясь в свет, который поднимался вверх, уходя в невидимый потолок пещеры. И вместе с ним исчезали нити. Сотни, тысячи нитей, которые покрывали стены, растворялись в воздухе, оставляя после себя только запах ладана и сухой земли.

Кирилл закрыл глаза. Он чувствовал, как его тело начинает восстанавливаться, как раны затягиваются, как боль уходит. Но в груди, у самого сердца, оставалось что-то. Тёплое, пульсирующее.

Он приложил руку к груди и почувствовал, как под его ладонью бьётся второе сердце. Маленькое, слабое, оно

пульсировало в такт с его собственным,
и в его ритме он слышал тихий, едва различимый
шёпот:

— Ты не избавился от меня, Кирюша. Я всегда буду с тобой. Я — твоя память. Твоя кровь. Я — Город мёртвых.

Кирилл открыл глаза и посмотрел вверх. Свет медленно угасал, и тьма снова сгущалась вокруг него. Но теперь он не боялся этой тьмы. Он знал: она — часть его. Часть того, кем он стал.

Он поднялся на ноги, чувствуя, как земля под ним успокаивается, перестаёт пульсировать. Он посмотрел на ключ, который всё ещё держал в руке. Металл потускнел, покрылся ржавчиной, и на нём больше не было буквы «Е». Только трещина, которая пересекала его от края до края.

Он сунул ключ в карман и направился к выходу. Путь назад был долгим, но он знал, что идёт не один. Второе сердце билось у него в груди, напоминая о том, что он принёс с собой из глубин Машука.

Когда он вышел из пещеры, солнце уже вставало

над Пятигорском. Город был пустым, мёртвым. Но Кирилл знал: он не мёртв. Он просто ждёт. Ждёт, когда его хозяин вернётся и поведёт его за собой.

Кирилл стоял у подножия Машука, сжимая в руках фотографию, на которой женщина больше не улыбалась. Она смотрела на него с укором, и в её глазах он видел вопрос, который она не смела задать.

«Что ты принёс с собой?»

Он не знал ответа. Но он знал, что когда-нибудь он вернётся. Потому что теперь он был не просто человеком. Он был тем, кого ждал Город мёртвых.

И где-то в глубине его сознания раздался шёпот, который он слышал уже не в первый раз:

— Ты не избавился от меня. Ты просто отложил встречу. Но я подожду. Я умею ждать.

Он стоял у подножия Машука, и утренний ветер, впервые за долгое время казавшийся просто ветром, а не дыханием мёртвых, обдувал его лицо. Он был холодным, колючим, но живым. Кирилл вдыхал его

полной грудью, чувствуя, как свежий воздух смешивается с тем, что осталось в лёгких после пещеры, вытесняя его, очищая, возвращая ему ощущение реальности.

Но реальность была странной.

Город лежал перед ним серый, опустевший, без единого признака жизни. Машины были припаркованы вдоль улиц, но их колёса утопали в чёрной жиже, которая начала подсыхать, превращаясь в потрескавшуюся корку. Фонари не горели, окна зияли чёрными провалами, и в этих провалах, на верхних этажах, он видел тени. Они не двигались, они просто стояли, смотрели на него, и в их неподвижности было что-то пугающее. Как будто они ждали. Как будто они всё ещё знали его.

Кирилл сунул руку в карман и нащупал иконку. Она была тёплой, живой, и когда его пальцы коснулись её, он услышал слабый, едва различимый звон. Словно колокольчик где-то далеко, в самом сердце города, напоминал ему о том, что он выжил.

Он вытащил иконку и посмотрел на неё. Медь поблёскивала на солнце, и на поверхности, там, где

раньше был лик святого, он увидел нечто иное. Вмятина. Глубокая, чёткая, она имела форму отпечатка пальца. Чужого пальца, большого, с характерным узором линий, которые не были похожи на человеческие.

Он провёл пальцем по вмятине, и подушечка ощутила неровность. Она была тёплой, как будто этот отпечаток был оставлен только что. Кирилл перевернул иконку и увидел на обратной стороне слово. Выцарапанное, неровное, оно было нацарапано чем-то острым — может быть, ногтем, может быть, ключом.

«А.В.Н. — не конец».

Он замер. Ветер стих, и в наступившей тишине он отчётливо слышал звук, который доносился из-за его спины. Из пещеры. Он всё ещё был открыт, зиял чёрной дырой у подножия горы, и оттуда доносился тот же ритм, который он слышал внутри. Только теперь он был тише, глубже, как будто сердце Города мёртвых, потеряв своего хозяина, билось в агонии, отмеряя последние минуты.

БУМ... БУМ... БУМ...

Но в этом ритме появилось что-то новое. Второй звук. Словно эхо, которое шло не из глубины, а с поверхности. Оно доносилось откуда-то сбоку, из-за поворота тропы, ведущей к старой обсерватории на вершине Машука.

Кирилл повернул голову. Тропа была пуста. Но на камнях, покрытых мхом, он увидел следы. Свежие следы. Не те, что оставляют ноги — те были широкими, глубокими, с чёткими отпечатками пальцев. Это были следы от коленей. Кто-то полз наверх, не вставая, волоча тело по острым камням, оставляя за собой тёмную, влажную дорожку.

Он подошёл ближе и присел на корточки. Жидкость, оставленная на камнях, была тёмной, почти чёрной, и от неё пахло металлом. Но не кровью. Чем-то другим, сладковатым, знакомым. Он опустил палец и коснулся её. Она была тёплой, почти горячей, и когда он поднёс палец к лицу, чтобы рассмотреть, он почувствовал, как она начинает впитываться в его кожу, просачиваться внутрь, как та жижа в пещере.

Он отдёрнул руку и вытер палец о джинсы. Но след остался. Тёмное пятно на ткани, которое не

смывалось, а расплзалось, становясь больше.

И в этот момент он услышал голос. Тихий, прерывистый, он доносился сверху, с тропы, и в нём слышалась такая боль, что у Кирилла сжалось сердце.

— Помоги... Помоги мне...

Он поднял голову. На тропе, в двадцати метрах от него, лежало тело. Человек. Женщина. Она была одета в грязное, порванное платье, и её лицо было скрыто за спутанными, мокрыми волосами. Она ползла, цепляясь за камни, оставляя за собой тот же чёрный след.

Кирилл рванул вверх по тропе, перепрыгивая через камни, чувствуя, как ноги наливаются тяжестью, как сердце колотится где-то в горле. Он добежал до неё и упал на колени рядом, пытаясь перевернуть её.

— Эй! Эй, вы слышите меня? — он коснулся её плеча. Кожа была холодной, как лёд, и под его пальцами она не была гладкой. Она была покрыта чешуйками, как у рыбы, и они отслаивались, оставаясь у него на руках.

Она повернула голову. Волосы упали с лица, и Кирилл увидел её глаза. Белые, мутные, как у Лены, но в них не было пустоты. В них была мольба.

— Он... он не ушёл, — прошептала она, и её голос сорвался на кашель, влажный, хриплый. Из её рта вместе с кашлем вырвалась чёрная слизь, стекающая по подбородку. — Он в тебе. Он в каждом, кто вошёл. Ты принёс его с собой.

Она схватила его за руку. Её пальцы были тонкими, как спички, и они впились в его запястье с нечеловеческой силой. Кирилл почувствовал, как её ногти — длинные, острые — процарапали его кожу, и из ранки выступила капля крови. Но кровь была не красной. Она была тёмной, почти чёрной, и когда она коснулась её пальцев, женщина застонала, но не от боли. От облегчения.

— Ты — часть его, — сказала она, и в её голосе послышалась улыбка. — Ты не знаешь, но ты — часть его. Ты пришёл в этот мир, чтобы завершить то, что он начал.

Она отпустила его руку и откинулась на камни. Её

дыхание становилось прерывистым, редким, и её глаза начали закрываться.

— Не умирай! — крикнул Кирилл, тряся её за плечи.

— Кто ты? Что ты знаешь?

Она открыла глаза. И в тот последний момент они стали чистыми. Ясными, голубыми, как небо над городом.

— Я — его дочь, — прошептала она, и в её голосе слышалась гордость. — Меня зовут Анна. Я ждала тебя... сто лет. Я ждала, чтобы сказать тебе... что он не ушёл. Он просто спрятался. Внутри тебя. Он ждёт, когда ты родишь его снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.